

Т.П. Буслакова

«Мне голос был. Он звал утешно...»

*(первый вариант «Когда в тоске самоубийства...» —1917,
окончательный текст —1921)*

События 1917 года стали для Ахматовой новой «горькой» вехой в истории страны. Одной из первых она увидела начало «грозных обстоятельств» уже в февральской революции. Будучи в это время в Петрограде, она, несмотря на стрельбу, ходила по городу, наблюдая за происходящим и впитывая новые впечатления. В ее поэзии современность представляла «Смутным и тревожным часом», когда страна продолжала жить, «как при Екатерине», «скучая на островах» и в театре, забыв о том, как, «своих пугаясь стонов, // В тоске смертельной мечется толпа» («В каждых сутках есть такой...», «Течет река неспешно по долине...», «Теперь прощай, столица...», «И целый день, своих пугаясь стонов...» — все 1917).

В сентябре 1917 года вышел третий сборник Ахматовой «Белая стая». Вспоминая о времени, когда он появился, Ахматова писала в автобиографии: «Транспорт замирал — книгу нельзя было послать даже в Москву... Журналы закрывались, газеты тоже... Голод и разруха росли с каждым днем». Стихотворения, вошедшие в ее следующие книги («Подорожник», 1921; «Anno domini», 1921–1922), отразили перемены в мировосприятии автора, вызванные «болью поражений и обид», и в то же время подтвердили внутреннюю закономерность пути поэта.

В лирической героине стихотворения «Мне голос был. Он звал утешно...» видно новое воплощение пушкинского «пророка». Снова, как в ранней миниатюре «Смуглый отрок бродил по аллеям...», «столетие» разделяет поэтов. В 1817 году написана ода «Вольность», на которую как на источник реминисценции указывает и восьмистишие в первой строфе стихотворения Ахматовой, повторяющее (неточно) пушкинскую строфу, и размер обоих произведений (четырёхстопный ямб), и сходство в некоторых опорных образах. Образ «стыда» в оде Пушкина повторяется два раза:

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу...

...

Ты ужас мира, стыд природы...

...

О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары..
Погиб увенчанный злодей...

У Ахматовой это одно из важных понятий в характеристике современной России:

Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд...

Благодаря пушкинской реминисценции проясняется, что же стало новым «ужасом наших дней», «стыдом природы». В оде «Вольность» для лирического героя равно неприемлемы и «тиран», и его «убийцы», насилие «на тронах» и в народных «бурях», вслед за которыми всегда слышен «Клии страшный глас» (муза истории), предвещающий новое «рабство». Революция включается в цепь исторических бед России, ее «поражений и обид», повторяющихся с роковой неизбежностью и вызывающих желание «оставить» этот «край», эту несчастную страну «навсегда».

«Голос», несущий утешение, «звал» оставить Россию, превратившуюся в пустыню, «край глухой», суля дать «новое имя» лирической героине. Она оказывается на «перепутье», как и герой другого пушкинского стихотворения, увидевший «в пустыне мрачной» явление «шестикрылого серафима» и услышавший «Бога глас», давший ему «новое имя» пророка:

«Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполни волею моею
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

(«Пророк», 1826)

Лирическая героиня Ахматовой слышит не «Бога глас», а «речь недостойную», «голос» искусителя, призывающего «осквернить» себя предательством, бросить Россию в «крови», в грехе, после «поражения» в очередной исторической схватке. «Обиды» лирической героини неотделимы от бед «своего края», их не утолит забвение. Эти «строки печальные», как в пушкинском «Воспоминании» (1828), нельзя «смыть» ни слезами, ни временем, нельзя «покрыть» «новым именем», тем более что в контексте ахматовского стихотворения это имя Иуды.

Пушкинский «пророк», благодаря чудесному превращению, «в пустыне мрачной» услышал «шум и звон», узнал, что только «мудрое», пламенное слово может найти отзвук в «сердцах людей». «Пророк» Лермонтова, не найдя понимания у «ближних», возвратился в «пустыню», где «покорна» ему вся «тварь... земная», хранящая «завет предвечного». Для лирической героини Ахматовой, как и для пушкинского героя, пустыня наполнена страданием и жизнью, у нее есть «имя», история, в которой участвуют современники, чей «скорбный дух» — наследие прошлого. Сознание своей роли продолжателей традиции и дает спокойствие в испытаниях, пророческое знание о грядущем.

Реминисцентный фон, торжественная ритмика четырехстопного ямба дополняют одическую интонацию стихотворения. Воспевание стойкости, мужества, достоинства, верности является ответом и на искушение, и на исторический вопрос от судьбе России. «Горестным обстоятельствам» противостоит русский национальный характер, «скорбный дух», непобедимый внешним миром.